

12.03.20

ТРИ СТОЛЕТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА РОССИИ

Россия всегда была северной страной с суровым климатом, проницаемыми границами, хрупкой инфраструктурой и транспортной взаимосвязанностью. В таких условиях добавочный продукт производится трудно, а социальные перемены медленны. Это породило к жизни сложившийся в России мобилизационный тип хозяйствования.

Каждый год в начале нового семестра я задаю студентам вопрос: кем вы ощущаете себя больше – европейцами, евразийцами или людьми Востока? Десять лет назад студенты без замешательства отвечали, что они европейцы, но сейчас всё чаще повисает пауза. Тогда я призываю их вспомнить свои ощущения от посещения Владивостока и подумать, этот город – европейский или восточный? Несомненно, это европейский город на Тихом океане: если пересечь границу с Северной Кореей или Китаем, немедленно попадаешь в Азию.

И тем не менее Россия – преимущественно славянское, христианское государство, образованное на огромных пространствах Евразии – не ощущает себя «своей» в Европе. Российская «особость» является вызовом для российской идентичности, международной стратегии и внутренней политики. Происходящая сейчас ребалансировка стратегических приоритетов в пользу Евразии позволяет ослабить остроту всех трёх вопросов и создаёт новые возможности для развития.

Россия как государственный эксперимент в нынешних границах существует уже три столетия. Незадолго до начала правления Петра I, когда казаки Василия Пояркова дошли до Тихого океана, территория страны была примерно такой, как сейчас, не включая Северный Кавказ и Хабаровский край. Огромная территория государства на протяжении всех трёх столетий была ключевой проблемой России. До сих пор её

«огромность» является гораздо большим вызовом, чем экономические санкции или украинский кризис.

Представим, сколько стоит поддерживать единый уровень жизни, безопасности, инфраструктуры (дорожного покрытия, электрификации, сотовой связи, пожарного обслуживания), а также медицины и образования в трудном климате на 11-часовых поясах от Магадана до Калининграда, от Мурманска до Махачкалы, от Оренбурга до Норильска. Для России характерны практики государственного управления, которые имеют мало прецедентов в мире: северный завоз с использованием ледоколов, субсидирование континентальных пассажирских перевозок, специальное министерство по делам Дальнего Востока и ещё одно для борьбы с чрезвычайными ситуациями. В какой-то мере Россия по-прежнему государство с вынужденно плановой экономикой.

Российская «огромность» стала следствием ключевого свойства центральной Евразии – демографического вакуума. К моменту, когда русские землепроходцы вышли к Тихому океану, население России составляло около 7 млн человек, а плотность населения была одной из самых низких в мире. Она и сейчас остаётся такой, если сравнивать её с европейскими странами: в России примерно 9 человек на один квадратный километр, тогда как в Великобритании 270, в Германии – 225. Представим теперь, сколько может произвести добавленной стоимости на одном гектаре земли девять крестьян, работающих в северном климате, и сколько может произвести 225 человек в существенно более тёплом климате Западной Европы. Россия всегда была северной страной с суровым климатом, проницаемыми границами, хрупкой инфраструктурной и транспортной взаимосвязанностью. В таких условиях добавочный продукт производится трудно, а социальные перемены медленны. Это породило к жизни сложившийся в России мобилизационный тип хозяйствования.

Какие возможности даёт Евразия международной стратегии России? Евразийский континент гораздо менее гомогенен, чем Европа. В Евразии Москва не встречает такого фронта американских союзников, какой мы видим в Европейском союзе. В Евразии даже союзники США, вроде Японии или Кореи, находят почву для конфронтации друг с другом. В Евразии гораздо актуальнее силовой потенциал и баланс сил – в конечном счёте именно в Евразии, а не в Европе, востребован стратегический опыт, который Россия накопила за последние три столетия будучи крупнейшим государством на континенте. Богатый опыт войн позволил российским элитам быть искусными не только в военном отношении, но и в дипломатии, потому что каждая война неизбежно заканчивается переговорами.

В Евразии мы наблюдаем большее, чем в Европе, число стратегически автономных игроков, в том числе среди американских союзников, вроде Турции. Мы наблюдаем большее, чем в Европе, количество фронтов противостояния между ними. Соперничают между собой даже союзники США – арабы и израильтяне, турки и курды. В Евразии мы наблюдаем востребованность посреднических усилий и военной дееспособности. Поскольку это сильные стороны российской стратегии, Москва становится востребованным модератором региональных процессов.

В феврале этого года Валдайский клуб проводил девятую по счёту **Ближневосточную конференцию**. Поразительно, как она эволюционировала со временем: если раньше

это были протокольные разговоры и озвучивание позиций, то сейчас здесь обсуждаются болезненные вопросы региональной политики. Стороны ливийского гражданского конфликта обсуждают в Москве свои противоречия. Это довольно показательно.

Означает ли российский разворот к Евразии, что произошёл слом в её европейской стратегии? Происходящее является следствием долгосрочного тренда и в чём-то закономерно. «Огромность» России не позволяет ей найти своё место в относительно небольшой территориально и внутренне гомогенной Европе. Внутри России поместятся сразу несколько Европейских союзов. Европейцам трудно осознать, что, если бы Россия была частью Запада, им пришлось бы решать проблемы российско-северокорейской границы, афганского наркотрафика в Сибири и стабильности на Южном Кавказе. Среда безопасности, в которой находятся Европа и Россия, кардинально различаются. Каждый поглощён своими проблемами по вполне реальным, а не умозрительным причинам – и сблизить эти перспективы не получится.

Евразия останется ключевым предметом интереса для России в XXI веке. Положение дел на континенте лучше всего описывает выражение «каждый за себя». Такая ситуация комфортна для России, которая стремится быть стратегически независимой и не оглядываться на то, как идут дела на Востоке или Западе.

Оригинальная публикация ru.valdaiclub.com

*Источник: **Три столетия евразийского эксперимента России***

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сушенцов

Президент

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Внешняя политика». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Центре Карнеги за международный мир, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

